

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. А. ЖДАНОВА

Н. С. ПЕТРОВСКИЙ

СОЧЕТАНИЯ СЛОВ
В ЕГИПЕТСКОМ
ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ответственный редактор

М. А. КОРОСТОВЦЕВ

В монографии на материале огромного количества письменных памятников старо- и среднеегипетского языков впервые рассмотрены возможности разрядов знаменательных слов египетского языка сочетаться друг с другом, изучены все виды свободных сочетаний слов, структура этих сочетаний и выражаемые в них синтаксические отношения, выделены конкретные частные лексико-семантические значения, возникавшие в сочетаниях, выяснена роль этих «словесных блоков» в создании типов египетских предложений, а также рассмотрены многие другие вопросы.

7-1-4
215-70

Счастливейшей и характерной особенностью наследия древнеегипетской культуры является огромное количество дошедших до нас письменных памятников, которые позволяют проследить развитие египетского языка на протяжении почти пяти тысяч лет. Накопление, инвентаризация и теоретическое осмысление языкового материала нашли отражение и в общих курсах грамматики древнеегипетских языков, и в словарях, и в многочисленных работах по частным вопросам грамматики.

Однако в египтологической литературе нельзя найти терминов: сочетание слов, словосочетание или каких-либо других с аналогичным содержанием. В этом сказался традиционный подход египтологов к синтаксису египетского языка только как к учению о предложении, что, видимо, не случайно, так как изучение древнеегипетских языков началось в прошлом веке, в период увлечения теорией предложения.

В настоящее время сложилось странное положение. Новые письменные документы, пополняя постепенно наши знания в области лексики и написания уже известных слов, поразительным образом не расширяют наших представлений по синтаксическим проблемам. Думается, что причина этого кроется не в самом языке и не в источниках, а в указанном традиционном подходе к грамматике только как к учению о слове и о предложении. Собственно говоря, дальнейшее изучение египетского языка зависит от решения вопроса, в какой мере и каким образом египетский язык мог отражать многочисленные отношения, возникавшие в объективном мире и преломлявшиеся в сознании носителей языка.

Нет сомнения, что эти отношения отражались как в слове, так и в предложении. И все же, по нашему мнению, выразителем этих отношений прежде всего являлись свободные (не идиоматические) сцепления знаменательных слов, сочетания слов, из которых, как и из слов, строились предложения.

Изучение других языков показало, что исследование языка необходимо должно включать в себя изучение сочетаний слов, т. е. учение о возможностях разрядов слов сочетаться друг с другом, о способах сочетания, о принципах классификации сочетаний слов, о синтаксических отношениях, возникающих между словами в сочетаниях, о роли этих словесных блоков и их компонентов в построении предложений.

Настоящая работа преследует цель не только обосновать необходимость изучения сочетаний слов. Главной задачей, кото-

рую поставил перед собой автор, явилось рассмотрение закономерностей сочетаемости слов на конкретном материале старор- и среднеегипетских письменных источников. Изучение этих живых связей в мертвом языке достаточно ясно показывает, во-первых, что египетский язык обладал не меньшей способностью передавать синтаксические отношения и частные лексико-семантические значения при помощи сочетаний слов, чем другие языки, и, во-вторых, что количество указанных выше значений поддается учету и должно определяться примерно цифрой 400. И если мы не можем утверждать, что выделили абсолютно все частные значения, то не можем не заметить, что все выделенные нами значения могут теоретически встретиться в любом египетском тексте.

Но значение исследования сочетаний слов этим не исчерпывается. Оно открывает для египтологии возможности вторгнуться в такие области египетского языка, которые, казалось бы, далеки от сочетаний слов. Для примера можно указать на вытекающую из учения о сочетаниях слов гипотезу о происхождении «предикативных сочетаний»; изучение сочетаний слов дает также возможность разрешения проблемы возникновения предложенного типа связи в сложных предложениях и, наконец, проблемы синтагматического деления древнеегипетской речи. У нас нет сомнения, что дальнейшее изучение сочетаний слов позволит использовать выводы в самых различных областях египтологии, например при датировке текстов, если учитывать изменения в системе сочетаний слов в связи с этапами развития египетского языка. Короче говоря, автор надеется, что эта работа будет использована египтологами при решении различных проблем, но прежде всего обратит внимание на необходимость дальнейшего изучения сочетаний слов, которое в значительной мере изменит наше представление о египетском языке в целом.

ВВЕДЕНИЕ

СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

В общих курсах египетского языка (точнее, языков)¹, а также в многочисленных исследованиях по частным вопросам самым поразительным образом не встречается ни широкого понятия «сочетание слов», ни более узкого — «словосочетание». На первый взгляд это представляется тем более удивительным, что при чтении текстов любой эпохи и любого содержания египтолог прежде всего сталкивается не с отдельными словами и не с предложениями, а с сочетаниями слов. Бесконечные формулы титулатур египетских царей, официальных дат событий, приписки к изображениям — все это обычно представляет сочетание слов. В любом египетском предложении мы чаще встретимся с сочетаниями слов, а не со словами. Так, если взять к примеру два предложения, где сказуемыми являются глаголы:

špr.n wđ pn r.j (Les. 11, 20) 'дошел приказ этот до меня';
dj.n.f wj r h;tj-c m h;t-sp 19 (Urk. VII, 29, 7) 'назначил он меня местным князем в 19-м году царствования',
 то ясно видно, что при их создании были использованы не отдельные слова, а сочетания слов. В первом предложении глагол-сказуемое *špr* (в глагольной форме *šdm.n.f*) находится в предикативном сочетании с подлежащим *wđ pn* 'приказ этот', которое в свою очередь является сочетанием существительного и указательного местоимения. Этот же глагол сочетается с предложной группой *r.j* 'до меня'.

Во втором предложении глагол-сказуемое *dj* 'давать' (в той же глагольной форме) сочетается с местоимением-суффиксом — подлежащим *f* 'он', с зависимым местоимением — беспредложным дополнением *wj* 'меня' и с предложной группой (предлог *r* + существительное *h;tj-c* 'местный князь') — предложным дополнением, и, наконец, с предложной группой — обстоятельством времени *m h;t-sp 19* 'в 19-м году царствования', где *h;t-sp 19* в свою очередь тоже является сочетанием имени существи-

¹ В своем многотысячелетнем развитии египетский язык прошел ряд этапов: староегипетский, среднеегипетский, новоегипетский, демотический и коптский. Данное исследование основывается на изучении письменных источников на староегипетском (XXX—XXIII вв. до н. э.) и среднеегипетском языках (XXII—XVII вв. до н. э.); рассматриваются также более поздние письменные памятники среднеегипетского языка). Термин «египетский язык» относится здесь к этим этапам. Данные новоегипетского языка привлекаются лишь в целях сравнения, и в каждом отдельном случае это оговаривается.

тельного — исчисляемого и количественного числительного — определения.

Вместе с тем видно, что не все слова в этих предложениях находятся в сочетании друг с другом. Так, в первом предложении указательное местоимение *pn* 'этот' сочетается с существительным *wđ* 'приказ', но не имеет прямого отношения ни к предложной группе *r.j*, ни к глаголу *špr*, а существительное *wđ* не связано непосредственно с предложной группой *r.j*. Эти слова связаны опосредствованно только потому, что выступают в одном предложении. То же самое мы видим и во втором предложении, где, например, зависимое местоимение не связано с предложной группой *m h;t-sp 19*, а местоимение-суффикс *f* 'он' — с числительным *19* и т. п.

Таким образом, сочетаемость или несочетаемость слов — это реальный факт языка, особенно ощутимый, если учитывать, что не все разряды слов (части речи) могут сочетаться друг с другом. Наречия не сочетаются с указательными местоимениями, прилагательные — с глаголами-связками и т. д. Кроме того, степень или объем сочетаемости различных частей речи различны.

ВОПРОСЫ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ В ЕГИПТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Изучение законов сочетаемости слов не является чем-то новым в языкознании. Попытки изучить эту проблему можно обнаружить уже у представителей поздних античных грамматических школ. Так, Аполлоний Дискол (конец II в. н. э.) в своем «Синтаксисе» старался разъяснить сочетание отдельных слов в цельную речь². Причем он исходил из того, что «части речи, взятые на основании свойственных им изменений в нужной... форме, распределяются в составе речи так, чтобы получилось соединение с тем, к чему они могут относиться...»³.

Однако в дальнейшем синтаксис стал пониматься лишь как учение о предложении. В. П. Сухотин справедливо замечает, что «предложение, став центральным объектом синтаксической науки, несомненно, расширило и углубило характер синтаксических исследований, подняло их на более высокую ступень учения языка в целом. Но оно же и отодвинуло на второй план интерес к словосочетанию, как бы растворившемуся в изучении предложения и его частей»⁴.

Это всецело относится к изучению синтаксиса египетских и коптского языков. Филологи — египтологи и коптологи — при изучении языковых явлений исходили и до сих пор исходят из привычного для многих западноевропейских лингвистических

направлений деления грамматики изучаемого языка на учение о слове и учение о предложении. Поэтому проблема сочетания слов не вылилась в египтологической литературе в предмет специального исследования.

Однако поскольку сочетание слов в египетском языке является фактом реальным, то в тех случаях, когда нельзя было обойтись без их упоминания, сочетаниям слов давались произвольные наименования вопреки их лингвистическому значению. Даже А. Гардинер, выдающийся египтолог и крупный лингвист, встречаясь с сочетаниями слов типа *k.t phr.t* 'другое снадобье', *ftj nht* 'пивовар Нехет', *špd hr* 'острый ликом', помещает их в своей известной грамматике в раздел «Имена в функции предложения»⁵. Однако совершенно ясно, что перед нами не «имена», а «сочетания имен» и что эти сочетания с формальной точки зрения не являются предложениями, так как они лишь называют, а не сообщают, признаком чего является отсутствие предиката.

Иногда, впрочем, А. Эрман, А. Гардинер и некоторые другие египтологи, сталкиваясь с небольшими грамматически связанными сочетаниями слов, называют их «фразами». Так именует, к примеру, А. Гардинер сочетание инфинитива и существительного (*dd mdw* 'говорение слов') и сочетание предлога с существительным⁶. Но термин «фраза» в египтологической литературе не имеет точного и единого лингвистического значения. В английском языке «фраза» — это «маленькая группа слов обычно без предиката, особенно предлог со словом, которым он управляет, эквивалентная прилагательному, наречию или существительному», а также «идиоматическое выражение» или «короткое сжатое выражение»⁷. Во французском языке «фразой» называют собственно предложение, не являющееся частью сложного, в отличие от частного предложения (proposition), которое является частью сложного. В таком значении и употребляет термин «фраза» Г. Лефевр в своей грамматике среднеегипетского языка⁸.

Подобная неуверенность в определении грамматически связанных сочетаний слов, основанная на отсутствии единого лингвистического принципа их исследования, отнюдь не свидетельствует о том, что отдельным сочетаниям слов при изучении египетского языка не придавалось значения. На некоторые сочетания обращалось внимание с точки зрения «состояния» имени (обычно существительного), вступавшего в тесную грамматическую связь с другой частью речи. Учение о «состоянии» имени проникло из грамматики семитских языков в грамматику коптского языка, который благодаря своей письменности, сходной с греческой, более или менее полно отражал в письме фонети-

² А. Добнаш, *Синтаксис Аполлония Дискола*, Киев, 1882, стр. 17.

³ «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 138.

⁴ В. П. Сухотин, *Проблема словосочетания в современном русском языке*, — сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 129.

⁵ A. Gardiner, *Egyptian Grammar*, 3 ed., London, 1957, § 89.

⁶ Там же, § 27; 66; 98; 205, 3; 306.

⁷ «The Concise Oxford Dictionary», 4 ed., Oxford, 1958, стр. 896.

⁸ L. Gramm., стр. 278.

ческие изменения, в том числе и такие, которые были характерны для имени, вступающего в связь с другим именем. На основании грамматики коптского языка учение о «состоянии» имени было использовано и при исследовании древних ступеней египетского языка, хотя фонетические изменения скрыты (или почти скрыты) египетской письменностью.

В коптском языке отличают «абсолютное состояние» (*status absolutus*), т. е. форму изолированного имени, от формы имени, которое тесно связано с последующим существительным (или прилагательным). В последнем случае имя теряет свое ударение, а при наличии безударного конечного *s* — и его. Эта безударная форма имени получила название «конструктного, т. е. сопряженного или именного состояния» (*status constructus* или *status nominalis*).

Важные фонетические явления (сохранение конечных *t* или *r*) происходили в имени, если за ним следовало местоимение-суффикс. Это состояние имени получило название «местоименного состояния» (*status pronominalis*). Наконец, иногда отличают «определенное» и «неопределенное» состояния (*status determinatus* и *status indeterminatus*), подразумевая обычно под этим «состояние» имени при различных степенях определения артиклем или другими способами.

Проникнув в грамматику египетского языка, учение о «состоянии» имени сыграло определенную роль в исследовании некоторых сочетаний слов, которые возникали в результате «конструктного» и «местоименного» состояний имени. В первом случае особенно тщательно исследованы так называемые прямой родительный падеж и косвенный родительный падеж (*direct genitive* и *indirect genitive*). Кроме того, в связи с изменением типа языка и появлением артикля при изучении новоегипетского языка стали приниматься во внимание сочетания артикля с существительным с точки зрения «определенного» и «неопределенного» состояния имени.

К этому следует добавить, что К. Сандер-Хансен при изучении текстов пирамид, отразивших еще более раннюю ступень развития языка, чем староегипетский, обратил внимание на положение существительного, зависящего от прилагательного, и назвал такое положение «ограниченным состоянием» (*sfatus limitationis*)⁹.

Казалось бы, что изучение имени с точки зрения конструктного, прономинального, определенного или неопределенного и предельного состояний, т. е. в зависимости от сочетания имени с другой частью речи, должно было натолкнуть на мысль изучить эти сочетания как таковые, а не только изменения стержневого слова. Но именно этого не произошло в египтологии, во-первых, видимо, потому, что речь шла об ограниченном количестве со-

четаний, и, во-вторых, потому, что изучение «состояния» имени отводило внимание от сочетания в целом.

Таким образом, из поля зрения египтологов выпала проблема сочетаний слов как самостоятельного раздела синтаксиса, отражающего реальный факт египетского языка, и, разумеется, проблема словосочетания, что уже является частным вопросом общей проблемы.

СОВЕТСКАЯ ЛИНГВИСТИКА О СЛОВСОЧЕТАНИИ

Как было отмечено выше, изучение законов сочетаемости слов, начавшееся в античное время, в дальнейшем было предано забвению, так как на первый план выступило учение о предложении и его членах.

Русская лингвистика прошла примерно такой же путь. Если М. В. Ломоносов, Н. М. Кошанский, А. Х. Востоков (последний, между прочим, первым употребил термин «словосочетание») подробно описывают систему словосочетаний русского языка, то в середине XIX в. эта проблема отступает на задний план, уступив место формально-логическому изучению предложения и членов предложения¹⁰.

В последней четверти XIX в. как в России, так и за рубежом возрождается интерес к проблеме словосочетания, причем иногда в ущерб учению о предложении. А. В. Добиаш при изучении греческого языка развивает учение Аполлония Дискола о необходимости исследования законов сочетаемости слов и полностью игнорирует учение о предложении. Ф. Миклошич и несколько позднее И. Рис считают словосочетание основной синтаксической единицей языка. Но их взгляды не получили распространения в русском языкознании. Большею признанием заслужила теория Ф. Ф. Фортунатова, который рассматривал синтаксис как учение о словосочетании, а предложение — как разновидность словосочетания, законченное словосочетание.

«Словосочетанием, — писал Ф. Ф. Фортунатов, — я называю такое целое, которое образуется сочетанием в мышлении, а потому и в речи, одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как с частью в предложении... законченное словосочетание и предложение полное — синонимы в языковедении»¹¹.

Ф. Ф. Фортунатов, следовательно, чрезвычайно широко толковал понятие «словосочетание», подводя под него любое сочетание полных слов, в том числе и предикативное, и понимал синтаксис как отдел грамматики, изучающий только словосочетания, среди которых предложению отводится далеко не главная роль. Однако эта теория в известной мере сыграла

⁹ S.-H. Gramm., § 95.

¹⁰ Подробный обзор истории вопроса см.: В. П. Сухотин, *Проблема словосочетания в современном русском языке*, стр. 182 и сл.

¹¹ Ф. Ф. Фортунатов, *Избранные труды*, т. I, М., 1956, стр. 181—182.

и положительную роль, так как узаконила теорию словосочетания как самостоятельный раздел синтаксиса.

Интерес к этой проблеме отразился затем в трудах А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона и других лингвистов, несмотря на некоторое отличие их взглядов на данную проблему от точки зрения Ф. Ф. Фортунатова.

Любопытен взгляд А. А. Шахматова, который отходит от мнения, что единственным объектом синтаксиса должно быть словосочетание. Он считает основным предметом синтаксиса предложение, но не игнорирует и словосочетания и слова, «которые не потеряли связи с предложением, сохранив значение частей или членов предложения»¹². Как видно, А. А. Шахматов полагал, что синтаксис словосочетаний должен заниматься главным образом второстепенными членами предложения. Словосочетанию он дает такое определение: «Словосочетанием называется такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других»¹³. А. А. Шахматов считал, что законченные (предикативные) словосочетания должны рассматриваться в учении о предложении, а синтаксис словосочетаний должен заниматься второстепенными членами предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу.

В теории А. А. Шахматова представляется ценным, во-первых, выделение словосочетаний из предложения и, во-вторых, попытка определить отношение между словосочетанием и предложением. Однако установить принципиальную разницу между словосочетанием и предложением А. А. Шахматову не удалось.

Недоработанность теории словосочетания, растворение в ней учения о предложении, или, наоборот, подчинение теории словосочетания учению о предложении привело к тому, что в 20—30-х годах как в науке, так и в педагогической практике надолго произошел отход от проблемы в целом.

К принципиально новому решению проблемы на материале русского языка пришел акад. В. В. Виноградов. Он связал теорию словосочетания не только с учением о предложении, но прежде всего с учением о слове.

«Словосочетание как единица языка,— пришел к выводу В. В. Виноградов,— обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются со словами... Словосочетание — это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово,

¹² А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, изд. 2, Л., 1941, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 274.

может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице»¹⁴.

В. В. Виноградов далее указывает, что «типы словосочетаний, формы и правила их построений — необходимая часть грамматического учения. Но эта часть ближе к грамматическому учению о слове, чем к учению о предложении»¹⁵.

В другой своей работе, опубликованной в 1950 г., подвергая критике лингвистические взгляды А. М. Пешковского, В. В. Виноградов пишет: «Словосочетание и предложение — понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления. Предложение вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова-предложения. Но оно и по внутреннему существу своему, по своим конструктивным признакам непосредственно не выводится из словосочетания. Понятие словосочетания в своем содержании не включает никаких грамматических признаков, которые вели бы к субъективным или „субъективно-объективным“ категориям языка (вроде категории модальности, времени и т. п.) и указывали бы на законченность сообщения. Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения. Но оно относится также, как и слово, и к области „номинативных“ средств языка, средств обозначения. Оно так же, как и слово, представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения. Предложение же — произведение из этого материала, содержащее сообщение о действительности. Словосочетание в русском языке, если оно не представляет собой фразеологического сращения или фразеологического единства, т. е. неразложимого семантического образования, свободно дробимо на слова и представляет собой продукт семантического распространения слова. Оно складывается из „частей речи“, но реализует все многообразие своих смысловых возможностей в предложении»¹⁶.

Таким образом, принципиально новые теоретические взгляды акад. В. В. Виноградова на проблему словосочетания и место учения о словосочетании в грамматике сводятся к следующему:

1. Теория словосочетания — необходимая часть грамматического учения, которая изучает типы, формы и правила построения грамматических единств, образуемых из сочетаний слов по законам данного языка.

2. Словосочетание это не слово и не предложение.

3. Словосочетание (если это не фразеологическая единица) свободно делимо на слова.

¹⁴ В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1946, стр. 7—8.

¹⁵ Там же, стр. 8.

¹⁶ В. В. Виноградов, *Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия*, — сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 38.

4. Словосочетание является результатом семантического распространения слова.

5. Словосочетание, как и слово, выполняет номинативную функцию, т. е. словосочетание по своей функции стоит ближе к слову, чем к предложению, так как последнее — это коммуникативная единица.

6. Словосочетание в отличие от слова является сложным названием предметов, явлений, процессов и т. п.

7. Словосочетание как особая синтаксическая единица выступает в качестве средства коммуникации только в составе предложения.

8. Словосочетания, как и слова, являются строительным материалом для предложения.

Эти исходные теоретические положения не исчерпывают учения акад. В. В. Виноградова о словосочетании. Важным в этом учении явилось отграничение словосочетания как особой синтаксической единицы от сочетания других грамматически связанных слов, или, иначе, определение того, всякое ли сочетание слов является словосочетанием.

Мы приводили выше определения словосочетания, данные Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым. Из этих определений следовало, что предложение тоже является словосочетанием. И в позднейших работах словосочетание рассматривалось как любая пара грамматически связанных слов, вычленяемая из предложения. Например, В. П. Сухотин¹⁷ делит словосочетания на две большие группы:

1) предикативные словосочетания, объединяющие подлежащее и сказуемое как структурную основу предложения;

2) непредикативные словосочетания, не включающие конструкции подлежащего и сказуемого и, следовательно, не образующие предложения, а представляющие собой расчлененные или сложные наименования явлений.

Кроме того, некоторые лингвисты (например, А. А. Шахматов) относили к третьей группе словосочетаний так называемые полупредикативные сочетания (обособленный оборот и слово, к которому он относится).

Следовательно, в вопросе об отличии сочетания грамматически связанных слов от словосочетания тоже не было необходимой ясности. Эту ясность внес В. В. Виноградов. Из сущности его теории словосочетания вытекает, что сочетание «подлежащее — сказуемое», т. е. предикативное сочетание, не является словосочетанием. Эта точка зрения развита в статье «Вопросы изучения словосочетаний», опубликованной в 1954 г.

«Проблема предикативных соединений слов, — пишет В. В. Виноградов, — относится не к теории словосочетания, а к учению

о предложении»¹⁸. Что касается «полупредикативных словосочетаний», то в другой своей работе «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» акад. В. В. Виноградов установил, что так называемые полупредикативные словосочетания не только не являются таковыми, но даже не представляют собой сочетаний слов¹⁹.

Таким образом, к словосочетаниям в лингвистическом понимании этого термина следует относить только те сочетания грамматически связанных слов, которые не образуют предложения и являются продуктом семантического распространения слова, т. е. те, которые представляют собой подчинительные сочетания знаменательных слов, одно из которых является независимым, управляющим, а другое — зависимым, управляемым.

Представляется, однако, что словосочетаниями (подчинительными сочетаниями слов) не исчерпывается вопрос о сочетаниях слов вообще. Встает вопрос, например, о сочинительных сочетаниях слов. Последние, «означающие соединение или противоположение в чем-либо сходных, но независимых явлений»²⁰, многими исследователями рассматриваются тоже как словосочетания (например, А. М. Пешковским, М. Н. Петерсоном, В. П. Сухотиным). Однако акад. В. В. Виноградов считает, что «понятие „сочинительных“, или „однородных“, словосочетаний вырастает на почве смещения словосочетаний и так называемых однородных членов предложения»²¹. Таким образом, согласно теории акад. В. В. Виноградова, «сочинительные сочетания» не являются словосочетаниями, и предметом учения о словосочетании являются лишь подчинительные сочетания.

Теория акад. В. В. Виноградова, определившая на материале русского языка место учения о словосочетании в грамматике, указавшая на роль словосочетаний в предложении и выделившая словосочетания среди других сочетаний слов, успешно используется советскими лингвистами при изучении не только русского языка, но и других языков²².

¹⁸ В. В. Виноградов, *Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка)*, — ВЯ, 1954, № 3, стр. 4.

¹⁹ В. В. Виноградов, *Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка*, — сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 255—256.

²⁰ В. П. Сухотин, *Проблема словосочетания...*, стр. 176.

²¹ В. В. Виноградов, *Вопросы изучения словосочетаний...*, стр. 13.

²² Наиболее полно, по нашему мнению, теория словосочетания в разных аспектах излагается помимо цитированных выше работ в следующих статьях и общих курсах: «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, ч. 1, М., 1954; Е. В. Кротевич, *Словосочетание как строительный материал предложения*, Львов, 1956; В. Н. Ярцева, *Пути развития словосочетания (на материале английского языка)*, — «Ученые записки ЛГУ», № 156, Л., 1952; В. Н. Ярцева, *Предложение и словосочетание*, — сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; О. С. Ахманова, *Словосочетание*, — сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955; Н. Н. Прокопович, *Словосочетание в современном русском литературном языке*, М., 1966.

¹⁷ В. П. Сухотин, *Проблема словосочетания...*, стр. 162, 176.

В целом мнение представителей советской лингвистической науки о необходимости изучения словосочетаний и об исходных теоретических предпосылках такого изучения едино. Достоинством разрешения советской лингвистикой проблемы словосочетания является рассмотрение словосочетаний не только в формальном плане, но и в неразрывной связи со значением слова. «Вопрос о закономерностях сочетаемости одного слова с другим, — замечает В. В. Виноградов, — о связи разных значений слова с разными способами его сочетаний, с разными формами его синтаксического распространения другими словами имеет большое значение для синтаксиса словосочетаний»²³.

Работы советских лингвистов показали, что в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний особенно ярко проявляется специфика языка.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА С УЧЕТОМ ИХ ПОЛОЖЕНИЯ И ОКРУЖЕНИЯ В СОЧЕТАНИЯХ СЛОВ

Прежде чем перейти к вопросу о словосочетаниях и о других сочетаниях слов в египетском языке, следует остановиться на классификации слов в этом языке, имея в виду только практическую задачу: краткое и правильное графическое отображение синтаксических структур сочетаний слов в целях их сравнения.

В свое время мы выделили в среднеегипетском языке шесть частей речи (имена существительные и прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия) и четыре частицы речи (предлоги, частицы, связки, междометия)²⁴. При этом были указаны некоторые особенности частей и частиц речи среднеегипетского языка (отсутствие союзов, артиклей, слов степеней), а также было отмечено наличие слов, стоящих на грани тех или иных разрядов слов и поэтому не поддающихся точной классификации по значению. То же справедливо и в отношении новоегипетского языка, с той только разницей, что в нем появляется и функционирует показатель соотношенности имени — артикль, новые виды местоимений и отрицательных частиц.

Однако для изучения сочетаний слов, и прежде всего формального сравнения их конструкций, только такой общей классификации недостаточно. Не считая необходимым в целом пересматривать классификацию по частям речи, т. е. отказываться от традиционной классификации по значению, мы считаем возможным и полезным в наших целях дополнить ее применением иного метода классификации, связанного с рассмотрением окружения и положения слова в сочетании слов или в

предложении. Такая классификация по признаку одинакового положения и окружения слова используется в практике математической лингвистики в чисто утилитарных целях. Например, если к глаголу в английском языке относят, исходя из значения слова, «часть речи, которая называет действие или представляет состояние, проявление признака, изменение признака и т. п. как действие»²⁵, то по новой классификации к глаголам были отнесены слова, характеризующиеся следующими особенностями положения и окружения: «...им может предшествовать существительное или личное местоимение в общем падеже, с которым они согласуются в числе; за ними может следовать существительное или личное местоимение без предлога...»²⁶ и т. д. Таких классов слов в английском языке было выделено 19, а в русском — 17, причем многие из них имеют подклассы.

Таким образом, распределение слов по признаку одинакового положения и окружения дает значительно больше классов, чем традиционное распределение по частям речи. Это естественно, так как при такой классификации личные местоимения по их положению и окружению выделяются в один класс, притяжательные и указательные — в другой, неопределенные и количественные числительные — в третий и т. д.

Нам представляется, что такой формальный подход при изучении сочетаний слов в египетском языке не только возможен, но и весьма желателен.

Во-первых, к этому подводит сама специфика египетского языка с его необычайной автономностью разрядов слов, что хорошо согласуется со склонностью к аналитизму в старо- и среднеегипетском языках и победой аналитизма в новоегипетском языке. Поэтому, например, при классификации египетских местоимений совершенно недостаточно указания на то, что они включают слова со значением абстрактного, обобщающего указания на предметы и признаки. В свое время мы отметили, что при рассмотрении египетских местоимений следует отказаться от многих привычных представлений, так как местоимения в египетском языке характеризуются не только количественно, как особая лексико-семантическая группа слов, имеющая совершенно иные типы, чем, например, местоимения русского языка, но и качественно, как слова с ярко определенными служебно-грамматическими функциями. Отсюда, естественно, следует, что типы египетских местоимений резко отличаются один от другого своим положением и окружением. Наоборот, исходя из положения и окружения в сочетаниях слов, порядковые числительные должны войти в один класс с прилагательными, несмотря на разницу в их значении, а в класс наречий

²³ В. В. Виноградов, *Вопросы изучения словосочетаний*..., стр. 9.

²⁴ Н. С. Петровский, *Египетский язык*, Л., 1958, стр. 88—89.

²⁵ В. Н. Жигалло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик, *Современный английский язык. Теоретический курс грамматики*, М., 1956, стр. 73.

²⁶ Т. Н. Моложная, *Некоторые вопросы синтаксиса в связи с машинным переводом с английского языка на русский*, — ВЯ, 1957, № 4, стр. 93.

следует ввести не только собственно наречия, но и существительные, глаголы, предлоги в функции обстоятельственных слов и т. д.

Во-вторых, только при таком подходе возможна краткая графическая запись синтаксических структур сочетаний слов при обозначении каждого класса слов определенным индексом — цифровым, буквенным или другим, а также видов синтаксической связи.

Мы предпочитаем взять буквенные индексы, т. е. обозначать имена существительные через А (с выделением управляющего и управляемого существительного), личные местоимения — через В (с выделением пяти подклассов), глаголы — через К (с выделением служебных глаголов, именных форм и т. п.) и т. д.

Проделанная нами предварительная классификация слов египетского языка (среднеегипетского и новоегипетского) привела к выделению 17 классов слов:

- I. А — существительные (substantives)
 - A¹ — управляющее существительное
 - A² — управляемое существительное
- II. В — личные местоимения (pronouns)
 - V¹ — местоимения-суффиксы (suffix-pronouns)
 - V² — зависимые местоимения (dependent pronouns)
 - V³ — независимые местоимения (independent pronouns)
 - V⁴ — старые независимые местоимения (old independent pronouns)
 - V⁵ — новые независимые местоимения (new independent pronouns)
- III. С — указательные местоимения (demonstrative pronouns)
 - C¹ — указательное местоимение *pʷ*
 - C² — " " *pn*
 - C³ — " " *pf*
 - C⁴ — " " *p;*
 - C⁵ — указательные местоимения множественного числа (*nʷ, nn, nf, n;*)
- IV. D — притяжательные местоимения (possessive pronouns)
 - D¹ — притяжательные местоимения единственного числа
 - D² — " " множественного числа
- V. E — относительные местоимения (relative pronouns)
 - E¹ — относительно-положительное местоимение *ntj*
 - E² — относительно-отрицательное местоимение *iʷtj*
- VI. F — определительное местоимение-существительное *kj*
- VII. G — прилагательные (adjectives)
 - G¹ — качественные прилагательные (qualitative adjectives)
 - G² — относительные прилагательные (relative adjectives)
 - G³ — порядковые числительные (ordinal numbers)
- VIII. H — определительное местоимение-прилагательное *nb*
- IX. I — числительные (numerals)
 - I¹ — количественные (cardinals)

I² — дробные (fractions)

X. J — наречия, существительные, прилагательные, предлоги в функции обстоятельственных слов

XI. К — глаголы (verbs)

K⁺ — переходные глаголы (transitive verbs)

K⁻ — непереходные глаголы (intransitive verbs)

K^c — каузативные глаголы (causatives)

Kⁿ — форма отрицательного дополнения (negatival complement)

K¹ — отрицательный глагол *tm*

K² — " " *imj*

K³ — глагол-связка *iʷ*

K⁴ — " " *ʷnn*

K⁵ — вспомогательный глагол *ch'*

K⁶ — " " *p;ʷ*

K⁷ — " " *rdj*

K⁸ — " " *irj*

K^a — инфинитивы (infinitives)

K^b — имена действия (nomina actionis)

K^a — активное причастие (active participle)

K^β — пассивное причастие (passive participle)

K^γ — форма качества и состояния (old perfective)

K^Δ — форма *šdm.tj.fj*

K^ε — относительная форма

K^λ — повелительная форма

XII. L — предлоги (prepositions)

L¹ — предлог *m*

L² — " *n*

L³ — " *r*

L⁴ — " *h;*

L⁵ — " *hr*

L⁶ — " *hft*

L⁷ — " *hnt*

L⁸ — " *hr*

L⁹ — " *ht*

L¹⁰ — " *hr*

L¹¹ — " *tp*

L¹² — " *dr*

(нумерацию остальных предлогов, начиная с L¹³, см. на стр. 296 и сл.)

XIII. M — частицы (particles)

M¹ — энклитические (enclitic particles)

M² — неэнклитическое (non-enclitic particles)

XIV. N — отрицательные частицы

N¹ — отрицательная частица *n*

N² — " " *nn*

N³ — усиленное отрицание *n sp*

N⁴ — отрицательная частица *ʷ*

N⁵ — отрицание *nfr*

} в староегипетском языке

N ⁶ — отрицательная частица <i>bn</i>	} в новоегипетском языке
N ⁷ — " " <i>bw</i>	
N ⁸ — " " <i>mn</i>	

XV. O — вопросительные местоимения и междометия (interrogative pronouns, interjections)

XVI. P — служебное слово *dš* для выражения определенного местоимения «сам»

XVII. R — артикли в новоегипетском языке (articles)

R¹ — определенный артикль (definite article)

R² — неопределенный артикль (indefinite article)

Остается добавить к этому, что «предлог степени» мы будем передавать через *r*, частицу так называемого родительного падежа — через *n*, неопределенное местоимение *tw* и форманты *tj, n, in, hr, k*; после глагола отделять точкой (перед глаголом форманты *in, hr k*), так же как и приставка конъюнктива *mtw* в новоегипетском языке, точкой не отделяются).

Еще более краткая и абстрактная графическая запись синтаксических структур сочетаний слов может быть достигнута указанием на компоненты сочетаний через *X, Y, Z*.

Виды синтаксической связи в сочетаниях слов мы будем указывать следующим образом:

а) в словосочетаниях (подчинительных сочетаниях) → (или ←);

б) в сочинительных сочетаниях +;

в) в аппозитивных сочетаниях => (или <=);

Отношения между главными членами предложения («предикативными сочетаниями») мы обозначаем через —, а тесную связь компонентов во фразеологических единицах — знаком X.

Думается, что такая классификация, обозначение компонентов и синтаксической связи между словами, находящимися в сочетании, практически достаточно удобны. Приведем несколько примеров:

1. Любую подчинительную конструкцию существительных, осуществляющуюся путем аналитического примыкания управляющего и управляемого существительных (так называемый прямой родительный падеж) или посредством форманта (так называемый косвенный родительный падеж), можно передать записью $X \rightarrow Y$ или $X \rightarrow n \rightarrow Y$. При необходимости более точного анализа можно раскрыть *X* и *Y*, пользуясь классификацией слов, например: $A^1 \rightarrow A^2$ или $A^1 \rightarrow n \rightarrow A^2$. Наконец, можно вводить и дополнительные сведения, пользуясь общепринятыми обозначениями, например: $A^{1f.s.} \rightarrow A^{2m.s.}$ (т. е. управляющее слово — женского рода единственного числа, а управляемое — мужского рода единственного числа) или $A^{1f.s.} \rightarrow n^{f.s.} \rightarrow A^{2m.pl.}$ (т. е. управляющее слово — женского рода единственного числа, формант *n* — женского рода единственного числа, управляемое слово — мужского рода множественного числа).

Возьмем к примеру следующее более или менее сложное словосочетание:

d.p.t n.t mh 120 m ;w.s (P. 1115, 26) 'ладья в 120 локтей в длину ее'.

Его можно передать следующим образом:

$$A^1 \rightarrow n \rightarrow A^2 \rightarrow I^1 \rightarrow L^1 \rightarrow A^3 \rightarrow V^1.$$

Разумеется, можно развернуть анализ каждого слова.

2. Подобным же образом можно передать предикативные отношения:

ph.n.k (P. 1115, 113) 'достиг ты'.

Это сочетание можно представить как:

$$K.n \rightarrow V^1$$

(т. е. сказуемое-глагол в форме *šdm.n.f*; подлежащее — местоимение-суффикс).

3. Наконец, развернутое предложение любого типа можно тоже выразить, пользуясь индексами и указателями связи:

ph.n.k wj (P. 1115, 113) 'достиг ты меня'.

$$\underline{K.n - V^1} \rightarrow V^2$$

(т. е. сказуемое — глагол в форме *šdm.n.f*; подлежащее — местоимение-суффикс; глагол управляет зависимым местоимением).

СОЧЕТАНИЯ СЛОВ В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

В египетском языке не все сочетания грамматически связанных слов могут быть названы «сочетаниями слов» в нашем понимании этого термина.

Например, сочетание глагола в спрягаемой форме с именем существительным (или местоимением-суффиксом) или качественное прилагательного и имени существительного создает двусоставное предложение с ярко выраженными предикативными отношениями. Сочетание служебного глагола со знаменательным глаголом, с чем в египетском языке было связано выражение предикативности, также не создает «сочетания слов». Связки и частицы также имеют отношение к структуре предложения. Предлог с именем существительным не является «сочетанием слов», так как такая предложная группа не образует структурной законченности (предлог выражает отношение между двумя знаменательными словами). Не является «сочетанием слов» объединение артикля с именем существительным (в новоегипетском языке). Наконец, не образуют «сочетания слов» антиципированные члены предложения с раскрываемыми ими словами.

Этот перечень связанных в предложении слов, но не образующих «сочетания слов», можно, без сомнения, было бы увеличить, так как под «сочетанием слов» мы понимаем грамматически оформленное и возможное для данного языка свободное сочетание знаменательных слов, не образующих предложения.

Исходя из такого определения, в египетском языке можно найти три типа «сочетаний слов» или «словесных блоков», являющихся, как и слова, строительным материалом для предложения.

1. Особо важную роль играли словосочетания или подчинительные сочетания слов. В этих сочетаниях отношения между знаменательными словами строятся на неравноправных подчинительных началах: одно из слов является стержневым, независимым, управляющим, а другое — зависимым, управляемым. Компоненты словосочетания можно определить как независимый и зависимый член словосочетания.

Для примера возьмем два предложения:

in.n (.j) inw nb im (Urk. I, 124, 14) 'доставил я дань всякую оттуда'.

iw hpr.n rnp.wt hkrw (Urk. VII, 16, 8) 'случились годы голода'.

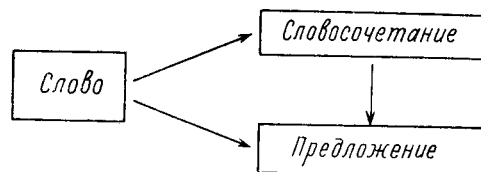
В этих предложениях мы можем обнаружить целый ряд подчинительных сочетаний, например: имени существительного с местоимением-прилагательным (*inw nb* 'дань всякая': $A^1 \rightarrow H$) и с именем существительным (*rnp.wt hkrw* 'годы голода': $A^1 \rightarrow A^2$), глагола с именем существительным (*in ... inw* 'доставить... дань': $K^+ \dots \rightarrow A^2$), глагола с наречием (*in ... im* 'доставить... оттуда': $K^+ \dots \rightarrow J$).

Во всех этих примерах существенным представляется то, что, несмотря на разные способы связи компонентов и разные отношения, возникающие между компонентами словосочетаний, мы всегда можем обнаружить независимый и зависимый члены словосочетания и то, что они в целом представляют грамматическое единство и передают единое, хотя и расчленяемое понятие.

Эти примеры показывают также, что строительным материалом для предложений явились различные словосочетания и, наоборот, что сходные по структуре словосочетания являются разными членами предложения.

В первом примере согласованное сочетание имени существительного *inw* 'дань' с местоимением-прилагательным *nb* 'всякий' ($A^1 \rightarrow H$) выступает как беспредложное (прямое) дополнение к переходному глаголу *inj* 'доставлять' (K^+). Во втором — подчинительное сочетание имени существительного *rnp.wt* 'годы' с другим существительным *hkrw* 'голод' ($A^1 \rightarrow A^2$) выступает как подлежащее при непереходном глаголе *hpr* 'случаться' (K^-).

Нет необходимости доказывать снова, хотя бы и для египетского языка, что слово, словосочетание и предложение — взаимосвязанные грамматические единицы. Слово является строительным материалом для словосочетаний и для предложения; словосочетание — строительным материалом для предложения. Представляется, что эти отношения можно выразить следующей схемой:

На этой схеме, между прочим, ясно видно, что словосочетание, во-первых, отнюдь не занимает промежуточного положения между словом и предложением, а является самостоятельной единицей языка, и, во-вторых, что словосочетание не результат дробления предложения на его части, а, как и слово, — конструктивный элемент предложения. Если первый вывод лишний раз указывает на необходимость изучения словосочетаний как самостоятельной языковой единицы, то второй непосредственно отвечает на вопрос, не является ли изучение некоторых словосочетаний подменой учения о второстепенных членах предложения. Действительно, при изучении словосочетаний, где независимым членом является глагол, мы сталкиваемся с функцией его зависимых членов как второстепенных членов предложения (дополнений и обстоятельств). Естественно поэтому, что при рассмотрении словосочетаний мы неизбежно соприкасаемся с их ролью или ролью их членов в предложении примерно так же, как при изучении разрядов слов. Однако как изучение частей речи представляет собой относительно самостоятельную часть грамматики, так и учение о словосочетании является относительно самостоятельным разделом синтаксиса. Эта самостоятельность выражается в том, что предметом учения о словосочетании является: 1) объем словосочетания, т. е. установление количества слов, из которого состоит словосочетание; 2) форма словосочетания, т. е. установление принадлежности независимого члена к определенной части речи; 3) способ выражения синтаксической связи между членами словосочетания; 4) структура словосочетания, т. е. способ выражения синтаксической связи между членами словосочетания вместе с определенной формой словосочетаний; 5) синтаксические отношения, которые возникают в словосочетании; 6) функции словосочетания или его членов в предложении; 7) функция словосочетания как номинативной единицы.

При изучении же второстепенных членов предложения исследуются не эти вопросы, в частности не способы связи между знаменательными словами, и не отношения, которые возникают в словосочетании при наличии или отсутствии служебного слова, а более обобщенные отношения, возникающие в предложении на базе различных по структуре словосочетаний, других сочетаний слов и слов. Некоторые отношения в предложении возникают вне зависимости от синтаксических отношений, возникающих в словосочетании, и только в самом предложении (например, предикативные).

2. В египтологической литературе «сочинение» рассматривается лишь в разделах морфологии об именах существительных

и вне связи с тем, что сочиненные члены образуют сочинительные сочетания. Нет сомнения, что такой взгляд не исчерпывает вопроса уже потому, что «сочинение» присуще не только именам существительным, но и другим разрядам знаменательных слов, хотя и в меньшей степени.

Сочинительные сочетания, пусть они и не играли такой же роли, как подчинительные (словосочетания), были широко представлены в египетском языке и так же являлись материалом при построении предложения.

Сочинительные сочетания резко отличались от подчинительных тем, что их компоненты были связаны между собой как равноправные слова, т. е. среди них не было главного, управляющего, и ни один из компонентов не являлся продуктом семантического распространения другого. Грамматическая зависимость членов сочинительного сочетания друг от друга выражалась лишь в том, что они обычно относились к словам одного лексико-семантического разряда. В этом смысле сочинительные сочетания можно определить как сочетания однородных компонентов, т. е. как однородные сочетания:

sm; hn^c mjs.t (Еб. 98, 2) 'легкое и печень', что можно свести к формуле: $A_1 + L^{16} + A_2$.

Большинство сочинительных сочетаний являлись по степени связанных членов свободными сочетаниями. Лишь в редких случаях парные сочинительные сочетания выступают как относительно несвободные (например: *n-sw.t-bj.t* 'царь Верхнего [и] Нижнего Египта'). Такие сочинительные композиты должны быть предметом лексикологии. Предметом же изучения свободных сочинительных сочетаний следует считать:

- 1) объем сочинительных сочетаний;
- 2) их внутреннюю форму, т. е. способы синтаксической связи между компонентами сочинительных сочетаний;
- 3) синтаксические отношения, возникающие между компонентами сочинительных сочетаний;
- 4) степень сочетаемости разрядов слов;
- 5) синтаксические функции сочинительных сочетаний.

3. В египетском языке часты сочетания знаменательных слов, в которых компоненты не находятся ни в подчинительных, ни в сочинительных отношениях, например:

nfrtj hnm.s.j (Р. 1116 В гт., 12—13) 'Неферти, друг мой'. С точки зрения синтаксиса предложения один из компонентов такого сочетания рассматривается как определение особого рода — приложение. Поэтому подобные сочетания слов можно назвать аппозитивными сочетаниями.

Изучение указанных сочетаний слов возможно лишь в связи с общей теорией сочетания слов. Большую помощь в исследовании аппозитивных сочетаний оказывают тесные аппозитивные сочетания, столь характерные для египетского языка (типа *imn-r^c* 'Амон-Ра'). Изучение аппозитивных сочетаний сводится к:

- 1) рассмотрению внутренней формы этих сочетаний;
- 2) определению синтаксических отношений между их компонентами;
- 3) исследованию функции и положения компонентов относительно друг друга.

Следует отметить, что изучение сочетаний слов представляет крайний интерес не только для уяснения синтаксических отношений, возникающих в этих «словесных блоках», и для определения частных семантических значений отдельных сочетаний, оно также помогает найти путь к решению многих важных проблем египетского языка, например проблемы происхождения синтетических и аналитических глагольных форм и аналитических конструкций, синтагматического деления древнеегипетской речи и многих других.

СОЧЕТАНИЕ СЛОВ И СИНТАГМА

Во избежание возможных недоразумений, возникающих иногда из-за разного понимания терминов, представляется необходимым в заключение остановиться на термине синтагма и его отношении к ранее рассмотренному термину словосочетание и др.

Как известно, в лингвистической литературе имеются попытки вычленять из предложения не только слова, словосочетания, члены предложения, но и синтагмы. Иногда с понятием синтагмы смешивается понятие словосочетания, и разделить их потому необходимо, что даже в египтологическую литературу изредка проникает «модная» терминология. Например, весьма неопределенный термин «пехус»²⁷, которым О. Есперсен обозначал некие синтаксические отношения предикативного типа, недавно проник в египтологию и был использован для определения синтаксической функции древнеегипетской глагольной формы качества и состояния, но вряд ли можно утверждать со всей определенностью, что это сделало вопрос более ясным²⁸.

В отечественной лингвистике уточнение значения термина «синтагма» прошло длинный и сложный путь²⁹. Впервые его применил И. А. Бодуэн де Куртенэ для обозначения слова в составе речи в отличие от лексемы — изолированного слова. Л. В. Щерба изменил и расширил значение этого термина, подразумевая под синтагмой основную синтаксическую единицу в процессе речи-мысли, выражающую единое смысловое целое и фонетически сплоченную усилием последнего словесного ударения. По его мнению, синтагма могла состоять и из группы

²⁷ О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958, стр. 108, 130 и сл.

²⁸ Y. Vergote, *La fonction du pseudoparticipe*, — «Egyptologische Studien», Berlin, 1955, стр. 338—361.

²⁹ См. подробное исследование акад. В. В. Виноградова, *Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка* (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 183 и сл.).

слов и из одного слова. Иное понимание термина «синтагма» как универсального понятия выдвинул Ф. де Соссюр, обозначая им соединение или слияние двух или нескольких знаков, образующих некий комплекс в слове, обороте, в члене предложения или в предложении в целом, причем в основе любой синтагмы лежат отношения определяющего и определяемого. Учитывая формализм и схематизм этой теории, акад. В. В. Виноградов пишет, что «все разнообразие внутренних синтаксических, а также семантических связей в языке, отражающих общественную жизнь и деятельность, общественные интересы, оставалось за бортом „научного“ исследования в этой порочной синтаксической концепции»³⁰.

Однако эта теория с различными модификациями получила широкое распространение и в зарубежной и в советской лингвистике. Не вдаваясь в подробности истории вопроса и частных изменений в теории Ф. де Соссюра, укажем только современное изложение теории синтагмы А. А. Реформатским, который под синтагмой подразумевает «сочетание двух членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов»³¹. Казалось бы, что внешне это определение примерно соответствует тому, что мы считаем словосочетанием, но в действительности А. А. Реформатский под синтагмой понимает нечто более широкое, чем словосочетание. Так, членами синтагмы, по его мнению, могут быть: 1) слова, 2) морфологические части слов — морфемы и сочетания морфем и 3) словосочетания, выступающие как один член. В зависимости от характера членов различаются следующие типы синтагм: 1) внутренние синтагмы (производные слова, сложные слова), 2) скрытые синтагмы (например, односоставные предложения определенного типа), 3) внешние синтагмы («пары слов, из которых одно определяет другое»). Типы отношений между членами синтагм устанавливаются следующие: предикативные, атрибутивные, объектные, релятивные. Виды связи между членами синтагм определяются как согласование, управление, примыкание.

Синтагмы рассматриваются как строительный материал для предложения, причем синтагмы, вступая во взаимные связи, дают возможность одному и тому же слову или словосочетанию входить в разные синтагмы то в качестве определяемого, то в качестве определяющего.

В целом можно присоединиться к выводу акад. В. В. Виноградова, что «при таком расширенном употреблении слова синтагмы... термин синтагма теряет свой смысл»³².

В зарубежной лингвистике в понятие синтагмы вводилось также и сочинительное сочетание.

Таким образом, с этой точки зрения под неопределенное понятие синтагмы как некой универсальной синтаксической единицы можно подвести все от слова и сочетания слов до предложения.

Другое понимание синтагмы восходит (между прочим, как и учение о сочетаниях слов) к грамматическим и риторическим представлениям античных школ о «колоне» — ритмико-синтаксической единице речи.

Основоположителем советского учения о синтагме, как было указано выше, является Л. В. Щерба. Его работы, а также исследования акад. И. И. Мещанинова, Е. В. Кротевича и в особенности акад. В. В. Виноградова на материале русского языка постепенно выявили содержание вполне реального понятия «синтагма» и показали, что теория синтагм не заменяет учения о слове, словосочетании и предложении, а дополняет его. Общие теоретические выводы с успехом были применены при изучении не только родного, но и других языков (например, современного немецкого языка)³³.

«Синтагма, — приходит к выводу акад. В. В. Виноградов, — это семантико-синтаксическая единица речи, отражающая „кусочек действительности“, наполненная живой экспрессией и интонацией данного сообщения. Она находится в тесной смысловой связи со всеми другими такими же семантико-синтаксическими единицами того же высказывания, той же речи»³⁴.

От словосочетания синтагма отличается следующими чертами:

1. В отличие от словосочетания, необходимо, как мы видели, состоящего из двух знаменательных слов, синтагма может состоять из одного слова.

2. В словосочетании члены связаны между собой грамматически, а в синтагме связующим звеном является интонация.

3. В предложении деление на словосочетания постоянно, а деление на синтагмы зависит от смысла, причем деление на синтагмы может разорвать словосочетание. Но деление на синтагмы произвольно, так как в данном контексте, при выражении соответствующего отношения к объективной действительности, возможен только один вариант членения на синтагмы.

При известной независимости деления на синтагмы от деления предложения на словосочетания синтагматическое членение часто оказывается связанным со словосочетанием, например, определение с определяемым составляет одну синтагму.

Обычным приемом для членения предложения на синтагмы в живой речи является пауза.

Изучение синтагм как грамматически и интонационно оформленных минимальных смысловых объединений, представленных

³⁰ В. В. Виноградов, *Понятие синтагмы...*, стр. 186.

³¹ А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1960, стр. 265.

³² В. В. Виноградов, *Понятие синтагмы...*, стр. 195.

³³ Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева, *Современный немецкий язык*, М., 1957, § 339.

³⁴ В. В. Виноградов, *Понятие синтагмы...*, стр. 253.

Одним словом, группой слов или предложением, отличается по задачам исследования от изучения словосочетаний и предложений.

«Раскрытие способов сочетания синтагм, — пишет В. В. Виноградов, — в системе разных типов предложения, описание синтаксических приемов образования видов „синтагм высшего порядка“ в составе сложного синтаксического целого, изучение принципов взаимодействия и соотношения синтагматического членения предложений и более крупных синтаксических объединений с разными формами их грамматических построений — все это и многое другое, относящееся сюда, — задача особого исследования»³⁵.

Следовательно, понятие синтагма отнюдь не тождественно понятию словосочетание, и если применять этот термин, то это следует делать в совершенно определенном и точном смысле, так как «учение о словосочетании и учение о синтагме касаются разных сторон синтаксического строя языка и предполагают разный подход к языку: от элементов к целому (словосочетание) и от целого к его элементам (синтагма)»³⁶.

Как это ни парадоксально звучит при нашем незнании огласовки и интонации египетского языка, семантико-синтаксическое понятие синтагмы, выработанное советской лингвистикой, как понятие, соответствующее реальным явлениям речи, находит подтверждение на материале изучаемого нами языка. Можно доказать, что древние египтяне осознавали деление речи прежде всего на синтагмы, т. е. подходили к своему языку как к целому, из которого выделяли элементы (синтагмы).

* * *

В конце нашего «Введения», пространность которого может быть оправдана необходимостью обосновать важность предмета исследования и показать исходные теоретические установки, следует подчеркнуть еще раз, что учение о подчинительных сочетаниях (словосочетаниях) в египетском языке является важнейшей частью нашего исследования. Поэтому в дальнейшем материал в рамках указанных выше задач по каждому разделу будет изложен в следующей последовательности: словосочетания (подчинительные сочетания) — сочинительные сочетания — аппозитивные сочетания. В «Заключении» мы остановимся на некоторых проблемах, решение которых вытекает, по нашему мнению, непосредственно из учения сочетаний слов.

³⁵ Там же, стр. 253—254.

³⁶ Там же, стр. 247.

Глава I

СЛОВСОЧЕТАНИЯ (подчинительные сочетания)

СЛОВСОЧЕТАНИЯ СВОБОДНЫЕ И УСТОЙЧИВЫЕ

Прежде чем перейти к вопросам, связанным непосредственно с синтаксисом словосочетания в египетском языке, следует разграничить свободные и устойчивые словосочетания, чтобы исключить последние из нашего исследования.

При изучении словосочетаний в том лингвистическом понимании, о котором речь шла выше (т. е. как подчинительных сочетаний знаменательных слов, не образующих предложения и незамкнутого ряда), можно обратить внимание на то, что большинство словосочетаний в египетском языке обладает заменимыми членами даже в очень тесных словосочетаниях, и значение этих словосочетаний с точки зрения лексической вытекает из значения этих компонентов. Для наглядности приведем несколько примеров очень тесного словосочетания, в которых при наличии одного и того же независимого члена заменяется зависимый член:

lmj-r; njw.t (Urk. I, 137, 17) 'начальник города'; *lmj-r; h;s.wt* (Urk. I, 132, 12) 'начальник чужеземных стран'; *lmj-r; sd;w.t* (Urk. IV, 35, 13) 'начальник казны'; *lmj-r; djw.t* (Urk. VII, 16, 5) 'начальник [рабочей] пятерки'.

Такие словосочетания можно назвать свободными. Хотя это очень тесные словосочетания и их легко сравнить со словами по номинативной функции, они не являются устойчивыми словосочетаниями, так как создавались в процессе речи каждый раз заново.

С другой стороны, в египетском языке встречаются устойчивые, несвободные словосочетания, члены которых постоянны. При замене одного из членов словосочетания лексическое значение словосочетания было бы полностью уничтожено: *w;d-wr* (P. 1115, 25) 'зелень великая' (= 'море'), что можно представить формулой $A^1 \times G^1$.

Такие словосочетания представляют собой устойчивые фразеологические единицы или фразеологические группы, ближе стоящие к слову, чем свободные словосочетания. Любопытно, что древние египтяне хорошо это осознавали и в письме обычно ставили после фразеологической единицы общий смысловой детерминатив (в нашем примере — пересечение каналов). Как

правило, лексическое значение фразеологической единицы не определяется суммой значения членов словосочетания, а качественно отлично от значений каждого из компонентов («зелень великая»= море). Можно привести и другие примеры более сложных фразеологических единиц. Так, некоторые переходные глаголы, в том числе и глагол *rdj* 'давать', со своим беспредложным (прямым) дополнением могут образовывать фразеологические единицы, смысл которых далек от значения составляющих компонентов, например:

rdj hr 'давать лицо' = 'отдавать распоряжение';

dd hr m dd.w n.f hr (В.М. 5645, vs. 2) 'отдающий распоряжение в качестве того, кому отдают распоряжение'.

Этот пример интересен тем, что перед нами даже не очень тесное словосочетание (во втором случае оно разобщено предложным дополнением *n.f*), и *rdj hr* дважды выступает не как глагол со своим дополнением, а как единый член в частях более сложного сочетания:

$$K^+ \times A^2 \rightarrow L \rightarrow K^+ \rightarrow L \rightarrow V^1 \rightarrow \times A^2.$$

Таким образом, и с точки зрения устойчивости, и с точки зрения синтаксической функции фразеологические единицы представляют особое явление, более связанное с лексикологией, чем с учением о словосочетании. Поэтому, несмотря на малую изученность в египтологии вопроса об этих «словосочетаниях-словах» — фразеологических единицах, мы в дальнейшем будем рассматривать лишь свободные словосочетания. Хотелось бы только отметить, что, по-видимому, классификация фразеологических единиц, предложенная акад. В. В. Виноградовым для русского языка¹, по степени спаянности компонентов, мотивированности сочетания и возможности синонимических замен в целом применима к египетскому языку, в котором возможны и абсолютно неделимые словосочетания (фразеологические сращения), и более свободные устойчивые словосочетания (фразеологические единства), и еще более свободные устойчивые словосочетания (фразеологические сочетания). Примером «фразеологического сращения» может служить словосочетание *w;d-wr* 'зелень великая'. «Фразеологические единства» хорошо представлены терминами, обозначающими сложные наименования предметов или явлений. В компонентах этих фразеологических единиц чувствуется некоторый намек на мотивировку общего значения (*hm-ntr* 'раб бога' = 'жрец'). Примером «фразеологического сращения», в котором один из членов является свободным, а другой несвободным, может быть: *m;j-hš(?)* (Urk. IV,

¹ В. В. Виноградов, *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*, — «Труды комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 3, М.—Л., 1937.

617, 2) 'лев лютый'. Разумеется, при детальном рассмотрении фразеологических единиц можно было бы выделить и переходные случаи, но, как мы указали выше, — это уже предмет лексикологии.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ

Проблема объема словосочетания сводится к решению вопроса о простых и сложных словосочетаниях.

До их пор мы приводили в основном примеры свободных словосочетаний, которые по своему строению являлись простыми, т. е. не разложенными на еще более простые. Такие словосочетания двусловны, т. е. состоят из пары слов, соединенных подчинительными отношениями. Двусловность простого словосочетания не нарушается и в том случае, если один или даже оба компонента словосочетания являются в свою очередь словосочетаниями, превратившимися во фразеологические единицы. Например, словосочетание *imj-r; hm.w-ntr* (Urk. VII, 14, 9) 'начальник жрецов' следует считать простым, хотя и независимый член ('начальник' = 'находящийся в устах') и зависимый ('жрец' = 'рабы бога') по происхождению восходят к словосочетаниям.

Значительно более трудным является вопрос о сложных словосочетаниях. Казалось бы, если простыми являются словосочетания, не разложимые на еще более простые, то сложными являются те, которые разложимы на более простые. Однако это не так. Дело в том, что в создании сложных словосочетаний могут участвовать и слова, относящиеся не к члену словосочетания, а к словосочетанию в целом.

В египетском языке можно наметить следующие способы образования сложных словосочетаний:

1. Присоединение к независимому или зависимому члену словосочетания одного слова:

b;k w nb n pr-n-šw.t (Urk. VII, 15, 15) 'работы всякие дома царя'.

2. Распространение независимого или зависимого членов словосочетания другим словосочетанием:

imj-r; ts.t.n gš.w-pr n.w mnj.w n.w m;-hd (Urk. VII, 15, 16) 'начальник отряда управлений пастухов Белоантилопьего нома'.

Здесь зависимый член словосочетания *gš.w-pr* 'управления' распространен другим простым словосочетанием *mnj.w n.w m;-hd* 'пастухи Белоантилопьего нома'.

3. Распространение простого словосочетания одним словом, причем это слово относится не к компонентам словосочетания, а ко всему словосочетанию в целом:

k.t hs.(w)t lrj.t n.j (Urk. VII, 31, 4) 'другая милость, оказанная мне'.

Здесь местоимение-существительное *kt* 'другая' относится ко всему словосочетанию.

4. Распространение некоторых глаголов или глагольных форм двумя зависимыми членами:

mḥ.k ḳnj.k m ḥrd.w.k (P. 1115, 168) 'ты наполнишь объятия твои детьми твоими'.

Здесь независимый член словосочетания глагол *mḥ* 'наполнять' имеет два зависимых члена: *ḳnj.k* 'объятия твои' и *ḥrd.w.k* 'дети твои'.

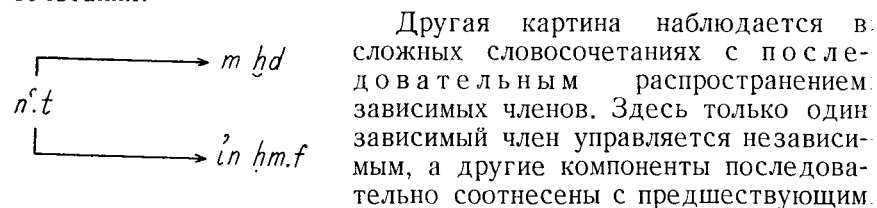
n^c.t m ḥd in ḥm.f (Urk. IV, 5, 12) 'плавание на север со стороны его величества'.

Здесь два зависимых члена словосочетания *m ḥd* 'на север' и *in ḥm.f* 'со стороны его величества' соотнесены с одним и тем же независимым членом — инфинитивом от глагола *n^c.j* 'плыть'.

5. Наконец, сочинение простых или сложных словосочетаний.

Нетрудно заметить, что среди сложных словосочетаний можно различить словосочетания с непосредственным и последовательным распространением зависимых членов.

В словосочетаниях с непосредственным распространением каждый зависимый член сложного словосочетания соотнесен непосредственно с независимым членом. В приведенном нами выше примере к четвертому способу образования сложных словосочетаний *n^c.t m ḥd in ḥm.f* 'плавание на север со стороны его величества' зависимые члены словосочетания *m ḥd* и *in ḥm.f* соотнесены непосредственно с независимым членом словосочетания:

им компонентом, так что члены сложного словосочетания нанизаны один на другой. Ярким примером является словосочетание, использованное для иллюстрации второго способа образования сложных словосочетаний: *imj-r; ts.t n gś.w-pr n.w mnj.w n.w m;-ḥd* 'начальник отряда управлений пастухов Белоантилопьего нома'.

Указанные способы образования сложных словосочетаний с применением непосредственного и последовательного распространения зависимых членов и сочинения простых и сложных словосочетаний, членами которых могли являться в свою очередь сложные словосочетания, иногда использовались в египетском языке для создания словосочетаний, которые можно было бы назвать «сверхсложными» словосочетаниями. Однако несмотря на их сложность и громоздкость, они являются словосочетаниями:

и несут номинативную функцию. Возьмем к примеру следующее «сверхсложное» словосочетание:

ḥ;t-sp 43 ḥr ḥm n ḥr ^cnh mś.wt n-św.t-bjt ḥpr-k;-r^c ^cnh d.t nb.tj ^cnh mś.wt ḥr-nb ^cnh mś.wt s; r^c s-n-wśr.t ^cnh d.t r nhḥ ḥft ḥ;t-sp 25 m m;-ḥd m rp^c.t ḥ;tj-^c imn(j) m;^c-ḥrṯ (Urk. VII, 14, 3—5) 'Год царствования 43-й при величестве Хора, живого рождения, царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара, да будет он жив вечно, обеих владычиц, живого рождениями, Хора золота, живого рождениями, сына Ра Сенусерта, да будет он жив вечно вековечно, что соответствует году царствования 25-му в Белоантилопьем номе при князе, Има-а, Имени, правогласном'.

Строение этого огромного словосочетания показывает, что оно включает в себя не только подчинительные сочетания различных типов, но и сочинительные сочетания (большей частью превратившиеся во фразеологические единицы), а также и аппозитивные сочетания, особенно при указании титула или составного понятия родства.

ФОРМА СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ВИДЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПО ФОРМЕ

Форма словосочетания определяется грамматической природой независимого члена, т. е. принадлежностью этого члена к одной из частей речи и способностью этой части речи вступать в подчинительное сочетание с какими-либо другими частями речи.

В египетском языке можно различить следующие формы словосочетаний:

1) субстантивные словосочетания, т. е. подчинительные сочетания имени существительного или отглагольного имени в качестве независимого члена с определенными частями речи или именными формами глагола, например: *nb.t pr* (Urk. VII, 25, 18) 'владычица дома';

2) адъективные словосочетания, т. е. подчинительные сочетания имени прилагательного в качестве независимого члена с определенными частями речи: *lḥr šhr.w* (Sin. В 48) 'отменный замыслами';

3) глагольные словосочетания, т. е. подчинительные сочетания глагола в качестве независимого члена с определенными частями речи или именными формами глагола, например: *pśs.n.f itr(w) ^c*; (Urk. VII, 26, 18) 'разделил он поток великий', где глагол *pśs* является независимым членом по отношению к существительному *itr(w)* 'река'.

Строгое различие формы словосочетания крайне важно, так как она является отражением морфологических особенностей части речи и ее категорий.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ВИДЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПО СПОСОБАМ СВЯЗИ

Формальные способы выражения синтаксических связей между членами словосочетания отражают в полной мере особенность, присущую египетскому языку: скупость флективных средств. Поэтому среди способов связи между членами словосочетания решающая роль принадлежит аналитическим.

При рассмотрении способов связи следует также учитывать, что в египетском языке имеются как внутренние, присущие самому словосочетанию, средства выражения связи, так и внешнее средство, действующее как в предложении в целом, так и в словосочетании, — порядок слов. Последнее особенно приходится принимать во внимание при рассмотрении глагольных словосочетаний, где независимым членом является глагол, управляющий несколькими зависимыми членами, которые располагаются и в отношении сказуемого, и в отношении субъекта, и в отношении друг к другу в строгом соответствии с порядком слов. Но и в менее сложных случаях порядок слов членов словосочетания совершенно определен. Так, в субстантивном словосочетании имени существительного с именем прилагательным последнее необходимо находится в постпозиционном положении (например: *pr nfr* 'дом хороший').

При определении внутренних способов выражения связи между членами словосочетания следует принимать во внимание по меньшей мере три момента, а именно:

- а) изменение или отсутствие изменения формы независимого члена словосочетания;
- б) изменение или отсутствие изменения формы зависимого члена словосочетания;
- в) наличие или отсутствие служебного слова (предлога или форманта) между членами словосочетания.

Учитывая эти исходные моменты, мы можем выделить в египетском языке следующие способы связи между членами словосочетания:

- 1) посредством фонетических сдвигов в независимом члене;
- 2) посредством одного лишь расположения независимого и зависимого членов относительно друг друга;
- 3) посредством аналитического управления, т. е. требования независимым членом определенного вида местоимения в виде зависимого члена;
- 4) посредством согласования грамматической формы зависимого члена с формой независимого;
- 5) посредством форманта *n*;
- 6) посредством предлогов.

В соответствии с этими формальными способами связи можно обнаружить в египетском языке шесть видов словосочетаний,

которым мы дали следующие условные наименования: аналитически соположенные, беспредложные, аналитически управляемые, согласованные, *n*-словосочетания и предложные словосочетания.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СЛОВСОЧЕТАНИИ

Структура любого словосочетания, которая характеризуется способом выражения связи между членами словосочетания и формой словосочетания, неразрывно связана с синтаксическими отношениями, создающимися между словами в словосочетании. Однако если форма словосочетания, например, определяется грамматической природой независимого члена, то синтаксические отношения определяются функцией зависимого члена по отношению к независимому.

С этой точки зрения в самом общем виде можно назвать три вида синтаксических отношений, характерных для египетских словосочетаний:

1. Атрибутивные (определительные) отношения, как, например, в следующих словосочетаниях:

ntr nfr (Urk. IV, 14, 10) 'бог добрый'; *nb rnp.wt* (Urk. IV, 15, 17) 'владыка лет'.

2. Объектные (дополнительные) отношения, как, например, в следующих словосочетаниях:

dd mdw (Eb. 1, 10) 'говорение слов'; *nfr rnp.wt* (Urk. IV, 80, 13) 'прекрасный годами'.

3. Релятивные (обстоятельственные) отношения, как, например, в следующем предложении, где между предложной группой и глаголом налицо временное отношение:

ph.n.sn šw r tr n h;wj (Sin. R 20) 'достигли они его ко времени вечера'.

Однако это общее деление не отражает в полной мере богатства значений, возникающих в словосочетаниях.

Например, атрибутивные (определительные) отношения по своему значению абсолютно неоднородны. Можно выделить минимум две группы атрибутивных отношений. В первой группе зависимый член словосочетания только выделяет признак независимого члена, т. е. расширяет его значение (*pr nfr* 'дом хороший'). К такому типу определений относился, например, распространенный в египетском языке случай согласованного определения посредством прилагательного или причастия (т. е. по способу выражения синтаксической связи это согласованные словосочетания).

Во второй группе атрибутивных отношений можно отнести случай, когда признак не выделяется, а наоборот, ограничивается. Зависимый член словосочетания — определение — ограничивает определенную область у независимого члена — определяемого (*nb.t pr* 'владычица дома'). С появлением еще одного

определения эта область еще более отграничивается. Причем, как можно увидеть, это отграничение касается не только зависимого члена — определения, но и независимого члена — определяемого. Таким образом, с логико-грамматической точки зрения в таком словосочетании в единое составное понятие объединяются признаки, входящие в содержание как зависимого, так и независимого члена.

К такому типу атрибутивных отношений относился в египетском языке случай так называемого родительного падежа (т. е. по способу выражения синтаксической связи — аналитически соположенные словосочетания и *n*-словосочетания).

Таким образом, в атрибутивных отношениях мы можем выделить атрибутивно-расширяющие и атрибутивно-отграничивающие отношения (определятельно-расширяющие и определятельно-отграничивающие).

Объектные (или дополнительные) отношения тоже весьма неоднородны. Можно выделить два основных вида объектных отношений: прямообъектные и косвеннообъектные отношения. По способу выражения синтаксической связи им соответствуют аналитически управляемые и предложные словосочетания.

Еще больше значений выражают релятивные (или обстоятельственные) отношения.

В египетском языке можно различить следующие значения: образа действия, пространственные, направления, временные, меры времени, причинные, целевые, исключительности, степени, сопутствующих условий, т. е. минимум десять значений.

По способу выражения синтаксической связи им соответствуют предложные и аналитически соположенные словосочетания.

Следовательно, синтаксические отношения между членами словосочетания, которые составляют значение словосочетания, сводятся не к трем общим видам, а минимум к четырнадцати.

Но и такое различие синтаксических отношений весьма и весьма приблизительно. Дело в том, что в процессе создания словосочетаний участвуют не абстрактные «части речи», а слова с конкретным лексическим значением. Поэтому в рамках указанных выше синтаксических отношений возникают более частные значения в зависимости от семантики независимого и зависимого членов. Например, среди словосочетаний, выражающих атрибутивно-расширяющее отношение, можно выделить целый ряд частных значений — отношение к величине лица или предмета: *m;h.w ;.w* (Urk. IV, 22, 4) 'венки большие'; отношение к качеству предмета или лица: *sš lkr* (P. 1115, 188) 'писец отменный' и т. д. Среди словосочетаний, выражающих атрибутивно-отграничивающие отношения — отношения принадлежности: *s;t wr* (Urk. IV, 669, 1) 'дочь властителя'; части к целому: *nhw n mšc* (P. 1115, 8) 'убыль войска' и т. д.

Сложность изучения синтаксических отношений в египетском

языке заключается в том, что, несмотря на несомненную связь структуры словосочетания с выражаемыми отношениями, различные отношения могут создаваться в совершенно одинаковых по внешней структуре словосочетаниях. Можно сопоставить, например, два предложения, в которых словосочетания обладают сходной структурой, а их члены принадлежат к одним и тем же разрядам слов:

mwt.k m njw.t.k (P. 1115, 123) 'умрешь ты в городе твоём';
mh.k knj.k m hrd.w.k (P. 1115, 133) 'наполнишь ты объятия твои детьми твоими'.

Здесь видно, что структура словосочетания с глаголом в качестве независимого члена и существительным — зависимым членом (К...→ L → A²) сходна, но в первом случае возникают отношения обстоятельственные, а во втором — объектные.

ФУНКЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ЕГО ЧЛЕНОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Как было отмечено выше, словосочетание, как и слово, является строительным материалом для предложения и только в составе предложения входит в сферу коммуникации.

В предложении словосочетание может выступать прежде всего в качестве одного члена предложения, например, подлежащего:

lw hpr.n rnp.wt hkrw (Urk. VII, 16, 8) 'случились годы голода' (субстантивное словосочетание *rnp.wt hkrw* — подлежащее);

сказуемого:

ink nb i;m.t (Urk. VII, 15, 13) 'я владыка любезности' (субстантивное словосочетание *nb i;m.t* — сказуемое);
второстепенного члена предложения:

ln.n.j inw nb.j (Urk. VII, 14, 16) 'поставил я дань владыки моего' (субстантивное сложное словосочетание *inw nb.j* — беспредложное дополнение).

Далее, члены словосочетания могут выступать в качестве различных членов предложения, например независимый член в качестве сказуемого, а зависимый или зависимые — в качестве дополнений или обстоятельств:

pšs.n.f itr(w) ;; hr i;.t.f (Urk. VII, 28, 4) 'разделил он поток великий по хребту его'.

Наконец, член словосочетания может быть частью предложения. Это хорошо видно в последнем примере, где беспредложное дополнение (зависимый член по отношению к независимому — глаголу) само является субстантивным словосочетанием [*itr(w) ;;*], и тем самым зависимый член этого словосочетания [*;;*] является частью члена предложения — беспредложного дополнения.

Функция словосочетания заключается в выражении синтаксических отношений между его членами. Но в предложении эти

функции усложняются, так как они вступают во взаимодействие с функциями других словосочетаний и слов, и, главное, с частными категориями, свойственными категории предикативности. Приведем для иллюстрации один любопытный пример такого взаимодействия. Так, определенные обстоятельственные отношения между членами словосочетания могут в составе предложения требовать от независимого члена — глагола выражения определенной категории способа действия²:

wh.in.tw hr hms.t hr šrh n m rnp.t 3 (Urk. IV, 4, 14) 'осаждали Шарухен в течение трех лет'.

В этом примере независимым членом словосочетания является глагол *hms.j* 'сидеть', а зависимыми — непосредственно распространенные собственное имя *šrh n* 'Шарухен' и субстантивное словосочетание *rnp. t 3* '3 года'. Оба этих зависимых члена передают обстоятельственные отношения: места и меры времени. Но поскольку второе из них обозначает внутреннее условие протекания процесса во времени, то как обстоятельство меры времени, а не как член словосочетания, оно вызывает необходимость в предложении создать конструкцию, передающую многократное, длительное действие (*wh.in.tw hr hms.t*).

Формы выражения синтаксической связи в предложении тоже претерпевают значительные изменения по сравнению с формами связи в словосочетании. Особенное значение приобретает внешнее средство выражения связи — порядок членов предложения. В соответствии с этим «железным» порядком членов в египетском предложении и располагаются словосочетания или их члены относительно сказуемого и подлежащего и относительно друг друга.

Следовательно, и функции словосочетаний, и формы связи их членов в составе предложения значительно изменяются. Словосочетание и слово как строительный материал для предложения не механически используются предложением, а подчиняются его законам.

ФУНКЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ

Особенностью египетских письменных памятников (и возможно, египетского языка) следует считать широкое использование словосочетаний, как таковых, вне состава какого-либо предложения. Естественно, что в этом случае словосочетания несут только номинативную функцию и их синтаксические отношения обозриваемы, так сказать, в «чистом виде».

В некоторых случаях эти словосочетания необычно сложны. Мы приводили пример одного такого словосочетания, которое

² О категории способа действия см.: Н. С. Петровский, *Египетский язык*, Л., 1958, § 98 и сл.

условно назвали «сверхсложным» (см. стр. 30). Однако и в подобных случаях общая функция словосочетания остается номинативной.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

Из предыдущего изложения можно сделать вывод, что имеются три возможности для классификации подчинительных сочетаний — словосочетаний: по форме словосочетания (см. стр. 31), по способам выражения синтаксической связи (см. стр. 32) и по синтаксическим отношениям, возникающим в словосочетаниях, или значениям словосочетаний (см. стр. 33—35).

Встает вопрос, какой принцип классификации следует принять за основной при описании египетских словосочетаний.

Обычно за основу классификации словосочетаний других языков берется форма словосочетания, т. е. как было указано выше, по сути дела грамматическая природа независимого члена словосочетания. Представляется, однако, что для египетского языка такая классификация мало приемлема, так как в этом случае исследование будет заключаться в описании способности частей речи вступать в подчинительные отношения с другой частью речи и ближе, чем нам хотелось бы, смыкаться с морфологией.

Весьма трудно классифицировать словосочетания по синтаксическим отношениям, которые определяются в основном функцией независимого члена словосочетания. Как мы старались показать, в вопросе об установлении значения словосочетания много неясного, а рассмотрение словосочетаний только по значению «атрибутивности», «объектности» и «релятивности» столь общо, что вряд ли целесообразно. Кроме того, некоторые синтаксические отношения, возникающие в словосочетаниях, присущи и предложению в целом. Поэтому принятие за основу классификации по синтаксическим отношениям в какой-то мере стерло бы грань между синтаксисом словосочетания и синтаксисом предложения.

Остается лишь единственная возможность взять за основу классификации словосочетаний египетского языка внутренние и внешние способы выражения синтаксической связи (см. стр. 32—33), а уже внутри каждого способа рассматривать формы словосочетания, общие и частные синтаксические отношения, возникающие в словосочетании, значение данного типа словосочетания для построения предложения.

В дальнейшем, исходя из соображений удобства расположения материала, мы исследуем словосочетания в следующем порядке:

- 1) аналитически соположенные словосочетания;
- 2) *n*-словосочетания;
- 3) согласованные словосочетания;
- 4) аналитически управляемые словосочетания;
- 5) беспредложные словосочетания;
- 6) предложные словосочетания.